

УДК 821.161.1

**СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ
"ПАСТЫРЬ-ПАСТЫРЬ" В ПРИХОДСКИХ РАССКАЗАХ
СВЯЩЕННИКА ЯРОСЛАВА ШИПОВА**

Трофимова М.В.

Статья посвящена активно развивающемуся явлению современного литературного процесса – приходской прозе. На материале рассказов священника Ярослава Шипова проанализированы содержательные и художественные характеристики специфичной для данного явления социально-коммуникативной модели "пастырь-пастырь". В ходе исследования обнаруживается, что в творчестве писателя на первый план выходит товарищеский уровень взаимодействия пастырей в контексте повседневной жизни церковного сообщества. Обосновывается мысль, что функции данной модели связаны с объективным изображением особенностей существования современного сельского прихода и православного духовенства.

Ключевые слова: современная православная литература, приходская проза, социально-коммуникативная модель "пастырь-пастырь", священник Ярослав Шипов.

**SOCIO-COMMUNICATIVE "PASTOR-PASTOR"
MODEL IN THE PARISH STORIES
BY PRIEST YAROSLAV SHIPOV**

Trofimova M.V.

The article describes an actively-developing phenomenon of the modern literary process as parish prose. On the material of stories by priest Yaroslav Shipov the author analyses the content and literary characteristics that are specific to this socio-communicative model phenomenon, i.e. the "pastor-pastor" model. The study reveals that the writer's works bring to the forefront a collegial level of interaction among the pastors in the context of the daily life of the church community. It proves

the idea that the functions of this model are associated with an objective depiction of characteristics of life in a modern rural parish and the Orthodox clergy.

Keywords: modern Orthodox literature, parish prose, socio-communicative model pastor, priest Yaroslav Shipov.

В современном литературоведении отмечается повышенный интерес ученых-филологов к творчеству православных священнослужителей и мирян, обращающихся в своих произведениях к религиозно-нравственным и церковно-конфессиональным проблемам. Данный феномен обозначен следующими терминами: «современная православная литература» [2; 4; 5], «литература духовного реализма» [1], «иерейская проза» [3], «литературная духовная проза» [7], «проза священников» [8]. Такое разнообразие в терминологии объясняется поиском подходов отечественных литературоведов к осмыслению данного литературного явления.

Так в статье В.В. Волкова, И.В. Гладилиной, Л.Н. Скаковской «Литература духовного реализма в преподавании русского языка как иностранного» [1] в качестве основного термина используется понятие «литература духовного реализма», отражающая общий вектор религиозно-ценностного поиска. Этот термин слишком широкий, на наш взгляд, чтобы принимать его в качестве основного и ведущего. Мы можем принять его лишь с оговоркой – современная духовная православная литературная проза.

Н.В. Пращерук в своем учебном пособии «Современная духовная проза: традиции, смыслы, поэтика» в качестве ведущего использует термин «литературная духовная проза», который включает различные жанровые разновидности. Как утверждает ученый, «целостно – структурное ядро этой прозы составили произведения с преобладанием автобиографического и документального дискурса, с особым статусом повествовательного "я" и установкой на символическую (каноническую) модель мира» [7, с. 7].

Термин «иерейская проза» был выдвинут В. Капланом в статье «Иерейская проза. Станет ли она литературным явлением?» [3]. Иерейская

проза – это творчество служителей Русской Православной Церкви. «Их книги выходят в православных книжных издательствах и составляют значительную долю всей издающейся православной художественной литературы» [3].

Понятие «православная проза» наиболее часто употребляется в работах исследователей. В качестве рабочего определения мы встречаем данный термин у И.С. Леонова, А.А. Моториной, М.С. Красняковой, В.А. Корепановой. Данное понятие, на наш взгляд, наиболее точно отражает специфику исследуемого феномена, так как указывает на «более четкую ориентацию авторов на религиозно – православную ценностную систему, включающую этический, метафизический и институционный аспекты» [6, с. 8].

Одной из разновидностей современной православной литературы является приходская проза, авторами которой выступают сельские священники, изображающие жизнь современной русской глубинки. В очерках и рассказах священнослужителей объективно изображается жизнь церковного и приходского общества, так как основу произведений составляет личный опыт пастыря. При анализе взаимодействия пастыря с иными пастырями, прихожанами и героями в современном литературоведении выделяются следующие социально-коммуникативные модели: *пастырь – сопутствующий персонаж*, *пастырь – пограничный персонаж*, *пастырь – паства* и *пастырь – пастырь*.

Целью данной работы является анализ социально-коммуникативной модели *пастырь-пастырь* в приходских рассказах священника Ярослава Шипова. Следует отметить, что в данном ключе творчество автора исследуется впервые. Ранее функции и сущность данной модели анализировались И.С. Леоновым применительно к творчеству протоиереев Александра Шантаева, Александра Дьяченко, архимандрита Тихона (Шевкунова) [см.: 6].

Представленная в произведениях приходской прозы социально-коммуникационная модель *пастырь – пастырь* реализуется на двух уровнях: вертикальном (официальном) и горизонтальном (дружеском). В соответствии с

этим выделяется три типа видовых моделей: *пастырь – архипастырь*, *пастырь – начальствующий* и *пастырь – пастырь*.

С помощью модели *пастырь – архипастырь* раскрывается несколько типов персонажей-епископов, характерных для современной православной литературы сегодняшнего дня: архиерей-молитвенник, архиерей-интеллигент, епископ-администратор, епископ-реформатор и архиерей-провидец [6, с. 139]. В приходских рассказах Ярослава Шипова достаточно часто встречается образ архиерея-интеллигента, общение с которым носит дружеский и неофициальный характер. Так, в рассказе «Ужин у архиерея» главный герой отрывками вспоминает свою встречу с представителем церковной власти. Автор с первых строк делает акцент на жилище священника: «Приезжаю, нахожу "резиденцию" – деревянный дом на окраине, запущенностью своею напоминающий старые подмосковные дачи...» [9, с. 220]. Дом архипастыря в данном случае подчеркивает неофициальную атмосферу встречи и статус священника не как начальника, а как простого человека. Автор повествует также о жизни архиерея, его детстве, о том, как тот впервые пришел в храм, о его юношеской любви, аресте, первом жизненном уроке. Статус клирика подчеркивается также изображением поварихи, которая не спешит подавать чай и не откликается на просьбы архиерея: «Ну, чего еще? – лениво спросила она, приваливаясь к косяку и выражая всем своим видом высокомерное терпение» [9, с. 220]. Стоит также отметить, что герои встретились для решения важного вопроса – восстановления храма. Однако архиерей подчеркнуто не касается данной темы, что свидетельствует о том, что «принятие важных решений епископом-интеллигентом происходит на глубинном духовном уровне, вне официального регламента и традиционных управленческих процедур» [6, с. 144].

Образ архиерея-администратора представлен в рассказах «Крестины» и «Старшой». Общение между повествователем и архиереем проходит строго в официальной атмосфере, не предполагает никакого дружеского тона и носит исключительно деловой характер.

Так, в рассказе «Кристины» главный герой возвращается из соседнего района, в котором совершал «по благословению архиерея первое богослужение в восстановленном храме» [9, с. 25]. Стоит отметить, что в данном тексте не дается речевого или портретного описания архиерея – лишь упоминание о нем. Похожую ситуацию мы наблюдаем и в рассказе «Старшой», когда архиерей отправлял повествователя к месту службы, наставлял и предупреждал о старообрядцах, живущих в тех краях.

Также в рассказе «Святое дело» реализуется модель *пастырь – архиерей* в ситуации послания. В великий праздник Троицы автор обнаруживает в почтовом ящике «толстый пакет из епархиального управления» [9, с. 289], в котором находится поздравление с Пасхой. Эта ситуация вызывает в душе героя непонимание: «В сознании что-то мешается: вспоминаю красное облачение, куличи, крестный ход по сугробам – аккурат семь недель прошло...» [9, с. 289]. Взаимоотношения пастыря с архиереем в данном случае изображаются косвенно, посредством изображения письма. В послании содержится лишь одно предложение: «Христос воскрес!» Данная ситуация демонстрирует нам четкую иерархическую и официальную установку между высшими церковными служителями и священниками.

Заслуживают внимания рассказы, в которых дается лишь краткое упоминание об архиереях или цитируются их изречения. Например, в рассказе «Святой» автор вспоминает об одном архиерее, который называл «шаталовой пустыней» верующих женщин, ездящих с прихода на приход, утверждая, что «они... ни для чего не нужны» [9, с. 122]. В рассказе «Переправа», размышляя о разгильдяйстве прихожан, автор вспоминает архиерея, который всегда к назначенному времени приплюсовывал пятнадцать-двадцать минут: «...и пронизательность его ни разу не подводила: просители неуклонно опаздывали» [9, с. 336]. Вспоминает о словах архиерея и повествователь в рассказе «Мусульманин»: «Нет, видать, все-таки прав был архиерей, написавший в одном циркуляре: "Степень духовного одичания нашего народа невероятна"» [9, с. 294]. Данные ситуации не отображают в полной мере взаимодействия

героя с архипастырем, однако дают характеристику архиереям как образованным, мыслящим и проницательным наставникам и указывают на общение героев в прошлом.

Тип социально-коммуникативной модели *пастырь – начальствующий* реализуется в рассказе «Кино», когда архимандрит звонит отцу Петру, чтобы известить о съемках фильма на приходе, после вручает официальную бумагу. В разговоре архимандрит обращается к священнику на «ты», в то время как священник на «Вы», что еще раз подчеркивает установку на нетоварищеский тон между персонажами.

Также взаимоотношения пастыря с начальством мы обнаруживаем и в рассказе «Сила немощи». Общение героев происходит во внецерковной обстановке – за празднованием именин настоятеля. Архимандрит изображен добрым, пожилым старцем, горячо любящим своих воспитанников: «К послушникам, независимо от их возраста, он относился как к малым детям, называл их разбойниками, непослушниками и другими подобными именами, сохраняя при этом строгость в служебных и деловых отношениях» [9, с. 118]. Диалог игумена с послушниками и автором подчеркивает неофициальную атмосферу и дружеский тон беседы.

Модель *пастырь – пастырь* представлена в творчестве Ярослава Шипова наиболее широко. При этом стоит отметить, что взаимодействия происходят на товарищеском уровне, а уровень наставничества в рассказах писателя не представлен. В рассказах «Африканский брат», «Три главных счастья», «Дикий запад» лишь упоминается о диаконе и семинаристах, но взаимоотношения с пастырем не отображаются.

Отношения на товарищеском уровне, реализуемые в модели *пастырь – пастырь*, основаны на внецерковных интересах и душевной близости. Так, в рассказе «На крыльце» главный герой ходит по грибы со своим старым другом – настоятелем небольшого монастыря. После прогулки они беседуют с хромым инвалидом и школьным учителем. Даже выбор локации – крыльцо магазина – говорит о подчеркнута неофициальном характере отношений между героями.

Ситуацию взаимодействия героев можно назвать курьезной, так как их собеседники – хромой и учитель – задают неудобные и провокационные вопросы священнику: «Как это вы в религию ударились?» [9, с. 298], «Мир – реалистичен» [9, с. 298]. На помощь другу приходит настоятель, отвечая на иронически поставленные вопросы. Во время беседы раскрывается образ настоятеля как вдумчивого, мудрого, терпеливого и образованного служителя церкви. Он рассказывает молодому учителю про разделение христиан на православных, католиков и протестантов, про истину и веру во Христа.

Отец архимандрит из рассказа «Овсяное печенье» приглашает автора отметить годовщину Сталинградской битвы, участником которой был сам. «Батюшка был известен крайней строгостью по отношению к себе и безграничной доброжелательностью ко всем остальным людям» [9 с. 130]. В процессе беседы священник не любит вспоминать войну, говоря о том, что дело это неинтересное. В основном герои обсуждают церковные дела. Образ архимандрита как мудрого служителя Церкви раскрывается по контрасту с образом молодого пономаря, отказавшемуся съесть овсяное печенье в день поста из-за того, что в его состав входит яичный порошок. Ответом архиерея была одна реплика: «А у нас его продают в пакетах, и на пакетах ничего не написано, так что я – ем» [9, с. 136]. Важным является упоминание о том, что отец архимандрит через несколько дней принял схиму, а юноша так и не смог ужиться ни на одном приходе, так как «все у него как-то внешне, внешне...» [6, с. 136].

Рассказ «Лесная пустынь» также принадлежит к типу отношений пастыря с иным пастырем. Герои вместе путешествуют к поврежденному старому храму, по пути встречаясь с лесным медведем. Автор включает в текст произведения сведения о жизни иеромонаха до принятия сана, его увлечениях и интересах. «Отец Дионисий рассказал, что в монастыре недавно – лет пять, а прежде работал редактором, причем в нотном издательстве» [9, с. 412]. Важно отметить речевой портрет иеромонаха: несмотря на свой высокий статус, он эмоционально реагирует на происходящие вокруг события. Так, после рассказа

о маленьких муравьях, которые могут укусить медведя прямо в нос, священник громко и радостно воскликнул: «Молодцы!»).

Встреча с молодым пастырем, недавно получившим приход, изображена в рассказе «Переправа». К автору приезжает молодой священник со своей супругой. Стоит отметить, что изображение третьих лиц при взаимодействии *пастырь – пастырь* является фактором, указывающим на различие между товарищеским и наставническим уровнем коммуникации. Важным также является локус взаимодействия героев: накрытый стол в доме повествователя. Заслуживает внимание трансформация образа молодого священника: из робкого, худого парня батюшка спустя время превратился заматерелого, располневшего, уверенного в себе пастыря.

Духовная поддержка играет важную роль во взаимоотношениях пастырей. Так, в рассказе «Иеромонах Севастиан» главный герой – «тщедушный старичок с седой бородкой» [9, с. 189] – спрашивает совета у повествователя по поводу прихожанки, которая не знает, рассказать родной дочери правду или нет. Разговор повествователя с сельским батюшкой проходит за чаепитием, что демонстрирует доверительные и дружеские отношения между героями.

Просит помощи у героя товарищ в рассказе «Одна забота», чтобы вместе сопровождать «тетку из Крыма» [9, с. 125], которая хотела попасть в Троице-Сергиеву лавру и крестить единственного племянника. Мотив совместной поездки обнаруживается и в рассказе «Святой», когда приятели вместе едут в лавру, по пути встречая разных верующих женщин.

В рассказах «Свет» и «Разве мальчик виноват?» нет описаний взаимодействий главного героя и другого пастыря, однако дается история из жизни приятеля повествователя. Герой подчеркивает близость отношений словами «мой приятель» [9, с. 193], «в доверительной беседе» [9, с. 165], «рассказал мне однажды» [9, с. 166]. Так, в рассказе «Свет» отец Алексей рассказывает о своем детстве в Анапе, где он впервые познал «ненадежность и хрупкость телесного бытия» [9, с. 195]. Немолодой московский батюшка в

рассказе «Разве мальчик виноват?» рассказывает историю об одаренном юноше, которого не взяли в консерваторию только лишь из-за того, что он русский. Данные истории не отображают в полной мере коммуникацию пастырей, но косвенно демонстрируют доверительные отношения между товарищами.

В приходской прозе помимо упомянутых нами ранее образов архиереев выделяется также комбинированный тип героя. Так, в рассказе «Ночная служба» мы сталкиваемся с афонским архимандритом, отношения которого с повествователем соединяют в себе черты как горизонтального уровня взаимоотношений, так и вертикального. Герои вместе путешествуют, молятся, называют друг друга друзьями, но при этом архимандрит выполняет все возложенные на него послушания, а повествователь живет по строгому монастырскому уставу. «Днем ездили по монастырям, ему вверенным, где отец архимандрит молниеносно решал хозяйственные вопросы, казавшиеся мне обременительными» [9, с. 101].

Таким образом, обращение Ярослава Шипова в своих рассказах к изображению социально-коммуникативной модели *пастырь – пастырь* является одной из черт приходской прозы в творчестве писателя. Данная модель демонстрирует жизнь не только сельского священника, но и всего церковного сообщества, способствует раскрытию образов архиереев, настоятелей храмов и монастырей, сельских и городских священников.

Список литературы:

1. Волков В.В., Гладилина И.В., Скаковская Л.Н. Литература духовного реализма в преподавании русского языка как иностранного // Казанская наука. 2017. № 1. С. 49-54.
2. Краснякова М.С. Современная православная проза: генезис, основные мотивы, типология сюжетов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.01.01 – русская литература. Воронеж, 2016. 22с.

3. Каплан В. Иерейская проза. Станет ли она литературным явлением? [Электронный ресурс] // Foma.ru [сайт]. 25.01.2010. URL: <http://bit.ly/2XJg7oh> (дата обращения: 12.12.2017).

4. Леонов И.С. Пастырь и паства в российской приходской прозе XXI века: специфика взаимодействия // Известия Смоленского государственного университета. 2017. № 2 (38). С. 42-50.

5. Леонов И.С. Приходская проза XXI века: проблема двоемирия // Казанская наука. 2015. № 7. С. 75-77.

6. Леонов И.С. Русская приходская проза XXI века как литературный феномен. Raleigh, North Carolina: Open Science Publishing, 2018. 180 с.

7. Пращерук Н.В. Современная духовная проза: традиции, смыслы, поэтика. Учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2018. 116 с.

8. Червоненко С.М. Духовно-нравственные аспекты творчества писателей-священнослужителей: малые жанры русской прозы 1990 – 2000-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.01.01 – русская литература. М., 2013. 22с.

9. Шипов Я., свящ. «Райские хутора» и другие рассказы. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2015. 624 с.

Сведения об авторе:

Трофимова Марина Владимировна – студентка Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (Москва, Россия).

Data about the author:

Trofimova Marina Vladimirovna – student of Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia).

E-mail: trofimova.marina2013@yandex.ru.